

Записки о Шерлоке Холмсе. Знак четырех

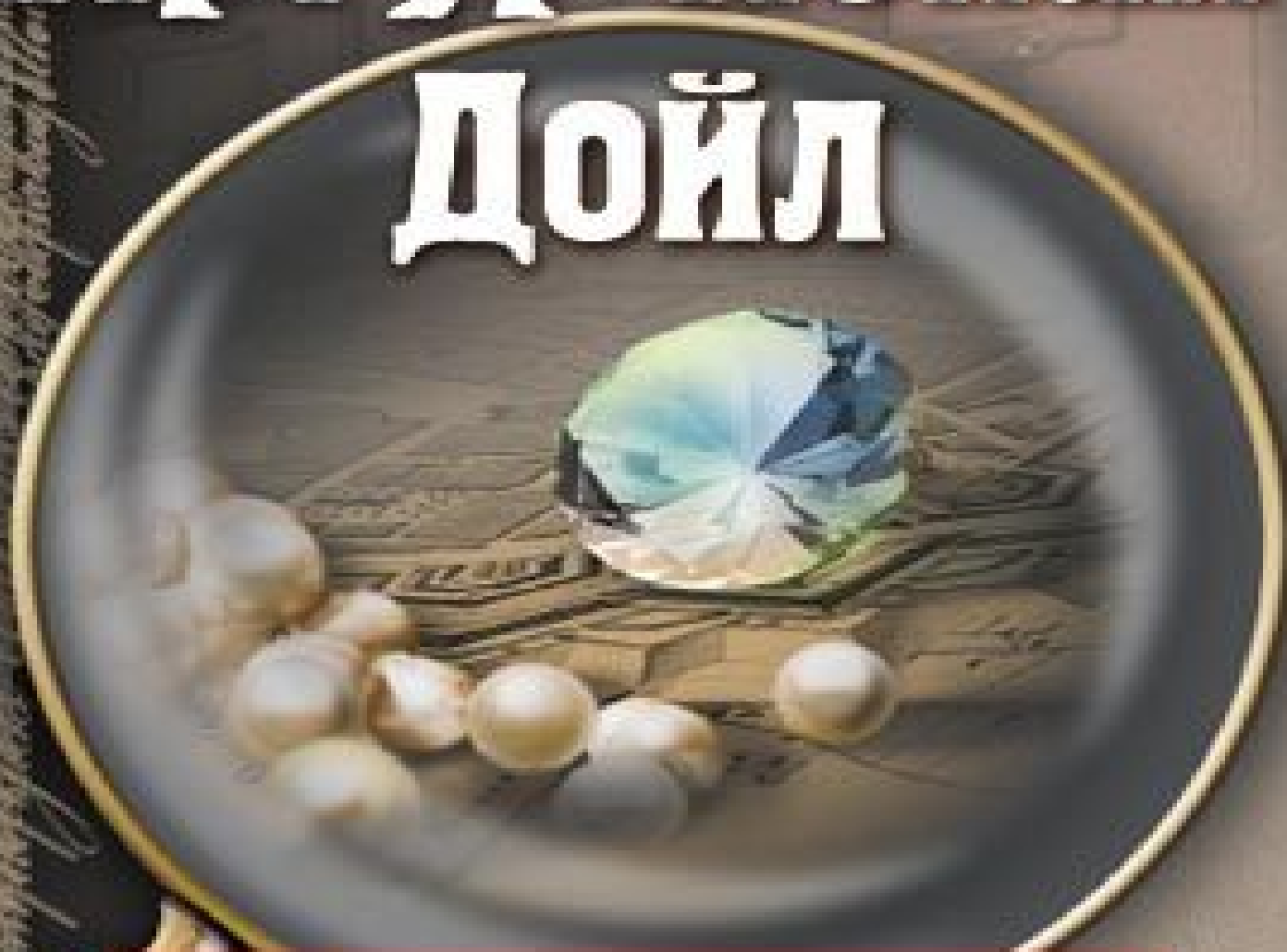
Куда исчез фаворит предстоящих скачек жеребец Серебряный и кто убил его тренера? Кто пытается разлучить счастливых супругов Мунро и что за ужасное лицо появляется в окне соседнего дома?

В какую аферу оказался вовлечен незадачливый биржевой маклер? И что делали таинственные гости из России в комнате пациента доктора Тревельяна?

На эти вопросы берется ответить знаменитый Шерлок Холмс...

Артур Конан

Дойл

Знак четырех

Записки
о Шерлоке Холмсе

Артур Конан Дойл

**Знак четырех. Записки о Шерлоке
Холмсе.**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2008, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2008

ISBN 978-966-14-1793-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Д62 **Дойл А. К.** Собр. соч. [Текст] / пер. с англ. И. Толока ; коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих ; худож. Д. Скляр. — Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2008.

Т. 3. — 448 с. : ил. — Содерж.: Знак четырех : роман; Записки о Шерлоке Холмсе : роман.

ISBN 978-966-14-0221-7 (Украина, т. 3).

ISBN 978-966-14-0093-0 (серия).

ISBN 978-5-9910-0673-6 (Россия, т. 3).

ISBN 978-5-9910-0553-1 (серия).

ББК 84.4ВЕЛББК 84.4ВЕЛ

Знак четырех

Глава первая. Наука делать выводы

Шерлок Холмс взял с каминной полки пузырек, вытащил из аккуратного сафьянового чехла шприц, длинными белыми нервными пальцами приладил тонкую иглу и закатил рукав на левой руке. Какое-то время он задумчиво смотрел на свое мускулистое предплечье, густо покрытое крохотными следами от прежних уколов, потом ввел иглу в вену, надавил на маленький поршень и с долгим удовлетворенным вздохом откинулся на спинку бархатного кресла.

Уже много месяцев три раза в день я был свидетелем этого действия, даже привык, но ни в коем случае не смирился. Напротив, пагубная привычка моего друга раздражала меня все больше и больше, мысль о том, что мне не хватает решительности протестовать, не давала мне спать спокойно. Сколько раз я обещал себе поговорить с Холмсом начистоту, но что-то в его характере, какая-то особенная бесстрастность, невозмутимость делала его человеком, в обращении с которым ни о каких вольностях не могло быть и речи. Его огромный талант, безупречные манеры и прочие многочисленные достоинства, с которыми я был знаком не понаслышке, заставляли меня чувствовать неуверенность в себе и отбивали охоту вступать с ним в спор.

Не знаю, что подействовало на меня в то утро, то ли лишний бокал бургундского за завтраком, то ли приступ отчаяния, но я вдруг почувствовал, что больше не могу сдерживаться.

— Сегодня у вас что? — спросил я. — Морфий или кокаин?

Холмс оторвался от старой, набранной готическим шрифтом книги и вяло поднял на меня глаза.

— Кокаин, — сказал он. — Семипроцентный... раствор*. Не хотите попробовать?

— Благодарю покорно, — резко сказал я. — Мой организм еще не окреп после Афганистана, лишние нагрузки ему ни к чему.

Моя горячность его рассмешила.

— Возможно, вы и правы, Ватсон, — улыбнулся Холмс. — Наверное, вещество это имеет пагубное физическое воздействие. Однако при этом происходит такая мощная стимуляция и очищение мозга, что побочные эффекты можно не принимать во внимание.

— Но подумайте только, — вскипел я, — какую цену вы за это платите! Может быть, мозг ваш, как вы говорите, и приходит в возбужденное состояние, но в организме-то от этого происходят неестественные, нездоровые процессы, в том числе и усиление обмена веществ, что в конце концов может закончиться постоянным упадком сил. А о том, какая потом наступает реакция, вы забыли? Нет, игра эта не стоит свеч. Ради минутного удовольствия вы рискуете навсегда утратить свой великий дар. Помните, сейчас я говорю не только как друг, но и как врач, который в некотором роде отвечает за ваше здоровье.

Холмс несколько не обиделся. Наоборот, с видом человека, расположенного к разговору, он соединил кончики пальцев и уперся локтями в ручки кресла.

— От долгого простоя, — сказал он, — мой мозг восстает. Дайте мне загадки, предоставьте работу, найдите самые сложные шифры или самые запутанные головоломки, и я окажусь в своей стихии. Тогда мне больше не понадобятся искусственные стимуляторы. Но скучное размеренное существование я ненавижу. Мой мозг требует работы. Именно поэтому я и выбрал себе такую профессию... Вернее, создал ее, поскольку во всем мире я такой один.

— Единственный на весь мир частный детектив? — удивился я.

— Единственный на весь мир частный детектив-консультант, — уточнил мой друг. — В криминалистике я — последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс заходят в тупик (а это, кстати сказать, их обычное состояние), дело выносится на мой суд. Я, как эксперт, изучаю факты и высказываю мнение специалиста. И за свою помощь я ничего не прошу. В газетах мое имя не гремит. Лучшей наградой для меня служит возможность применить на практике свои своеобразные таланты. Да вы и сами могли видеть, как я работаю, вспомните дело Джефферсона Хоупа.

— Это точно, — поддержал я его. — Никогда в жизни я так не удивлялся, как тогда. Я даже описал эти события в небольшой повести

и выпустил ее под несколько странным названием «Этюд в багровых тонах».

Холмс уныло покачал головой.

— Я как-то брал в руки эту брошюру. Если честно, не могу вас похвалить. Дедукция является точной наукой, или должна быть таковой, и относиться к ней нужно серьезно, без лишней чувствительности, как это сделали вы. Представьте себе, что кто-то вплеп романтическую историю или любовный треугольник в пятый постулат Эвклида*. У вас получился примерно такой же результат.

— Но ведь в деле Джефферсона Хоупа действительно присутствовала романтическая история, — запротестовал я. — Я же не мог исказить факты.

— Некоторые факты нужно было опустить, или, по крайней мере, уделить им не так много внимания. Во всем этом деле единственным заслуживающим упоминания пунктом была та любопытная цепочка логических выводов, которая привела меня от следствий к причинам, в результате чего преступление и было раскрыто.

Признаться, меня сильно огорчила эта критика, тем более что повесть-то я написал специально, чтобы сделать Холмсу приятное. Кроме того, его эгоистичная уверенность в том, что каждая строчка моего сочинения должна была быть посвящена исключительно ему и его методу меня порядком раздражала. За годы, проведенные на Бейкер-стрит, под одной крышей с Шерлоком Холмсом, я не раз замечал, что за взвешенным характером моего друга и его вечной привычкой поучать скрывается тяга к тщеславию. Но я решил все-таки не высказывать эти мысли вслух. С отрешенным видом я стал массировать раненую ногу. Когда-то в нее угодила пуля, выпущенная из афганского джезайла*, и, хоть я и не утратил возможности ходить, при каждой перемене погоды рана сильно болела.

— Недавно я стал работать и на континенте, — немного помолчав, сказал Холмс, набивая свою старую вересковую трубку. — На прошлой неделе ко мне за консультацией обратился Франсуа Ле Виллар, который, вы, наверное, слышали, с некоторых пор считается одним из лучших детективов Франции. Он наделен кельтской смекалкой, но ему не хватает практических знаний в очень многих областях, а без этого он не сможет развиваться дальше. Дело касалось одного завещания, и в нем было несколько довольно любопытных

особенностей. Я указал Виллару на два похожих случая, происшедших в Риге в 1857 году и в Сент-Луисе в 1871, что и подсказало ему верное решение. Вот письмо с благодарностью от него, которое я получил сегодня утром.

Мой друг бросил на стол помятый листок бумаги с иностранными водяными знаками. Я пробежал глазами сие послание, изобилующее восторженными словами, пересыпанное всевозможными «magnifique», «coup-de-maitre» и «tour-de-force»[1], свидетельствующими о неподдельном восхищении француза.

— Похоже на письмо ученика наставнику, — заметил я.

— О, Виллар переоценивает мою помощь, — отмахнулся Шерлок Холмс. — Он сам достаточно талантлив. У него есть два из трех необходимых идеальному сыщику качеств. Он умеет наблюдать и делать выводы. Единственное, чего ему не хватает, — знания, а это дело наживное. Сейчас он переводит на французский мои работы.

— Ваши работы?

— А вы разве не знали? — рассмеялся Холмс. — Да, признаюсь, есть такой грех. Я написал несколько монографий по техническим вопросам. Например, «Об отличиях между пеплом различных сортов табака». В этой монографии я описываю сто сорок видов сигарного, сигаретного и трубочного табака. Издание снабжено цветными иллюстрациями. Тема эта постоянно всплывает на уголовных судах, поскольку табачный пепел может иметь огромное значение как улика. Вот, скажем, если вам точно известно, что какое-то убийство было совершено человеком, курившим индийский табак, это ведь наверняка уменьшит поле для поисков. Опытному глазу разница между черным пеплом индийского трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза»* видна так же, как разница между капустой и картошкой.

— Ваше умение замечать мелочи всегда меня поражало, — заметил я.

— Я просто понимаю, насколько они важны. Еще я написал монографию о том, как читать следы, где упомянул и об использовании гипса для снятия слепков. Есть еще одна любопытная работа о влиянии профессии человека на форму руки, снабженная литографиями отпечатков рук кровельщиков, матросов, резчиков коры пробкового дерева, композиторов, ткачей и шлифовальщиков алмазов.

Мои работы имеют огромное практическое значение для детективов, относящихся к своей профессии как к науке... Последняя — особенно в тех случаях, когда нужно опознать труп или выяснить, чем раньше занимался преступник. Однако я вас уже утомил рассказом о своем увлечении.

— Вовсе нет, — искренне возразил я. — Мне это очень интересно, особенно потому, что я имею возможность наблюдать применение этих знаний на практике. Но вот вы только что разграничили умение наблюдать и умение делать выводы. Однако наверняка одно в какой-то мере предполагает другое.

— Не совсем так, — сказал Холмс, устраиваясь поудобнее в кресле и выпуская густое голубоватое кольцо дыма из трубки. — Например, я вижу, что сегодня утром вы побывали в почтовом отделении на Уигмор-стрит, но лишь благодаря умению делать выводы я узнал, что вы ходили туда за тем, чтобы отправить телеграмму.

— Верно! — воскликнул я. — И то, и то в точку! Хотя, если честно, я совершенно не понимаю, как вы об этом догадались. Решение сходить туда пришло мне внезапно, и я никому об этом не рассказывал.

— Это было просто, — улыбнулся он, видя мое удивление. — Настолько просто, что тут и объяснять нечего. Хотя этот пример действительно служит хорошей иллюстрацией того, где проходит граница между умением наблюдать и умением делать выводы. Я видел, что к вашей подошве прилип маленький красноватый комочек земли. Прямо напротив почты на Сеймур-стрит ремонтируют дорогу, там сняли покрытие с тротуара и разбросали землю, так что зайти в здание, не наступив на грязь, почти невозможно. Земля в этом месте имеет красноватый оттенок, который, насколько мне известно, больше нигде в округе не встречается. Вот то, что дало мне умение наблюдать. Остальное — результат логических размышлений.

— И как же вы пришли к выводу, что я посылал телеграмму?

— Ватсон, я же все утро просидел напротив вас. Если бы вы писали письмо, я бы это заметил. В ящике вашего стола, который вы забыли задвинуть, я вижу блок марок и толстую пачку почтовых открыток*. С какой еще целью вы могли ходить на почту, если не для того, чтобы послать телеграмму? Отбросьте маловероятные объяснения, то, что останется, и будет правдой.

— В этом случае все действительно так, — подумав, согласился я. — Но, как вы сами говорите, случай этот был простейшим. Вы не сочтете меня навязчивым, если я предложу вам задачку посложнее?

— Напротив! — сказал Холмс. — Это избавит меня от второй дозы кокаина. Я с радостью возьмусь за любую задачу, которую вы мне предложите.

— Вот вы как-то говорили, что на любой вещи, которой человек пользуется ежедневно, остаются отметины и опытному наблюдателю они могут рассказать все о ее владельце. Недавно ко мне попали вот эти часы. Не могли бы вы сказать, кто был их предыдущим владельцем и каковы были его привычки?

Я передал ему часы, признаться, не без внутреннего ехидства, поскольку считал, что ничего у него не получится, и думал, что это станет моему другу хорошим уроком за тот менторский тон*, которым он иногда разговаривал. Он взвесил часы в руке, внимательно осмотрел циферблат, открыл заднюю крышку и изучил механизм, сначала невооруженным глазом, потом через мощную линзу. Я едва сдерживал улыбку, видя, с каким печальным лицом он захлопнул крышку и вернул мне часы.

— Сказать почти ничего нельзя, — заметил Холмс. — Часы недавно побывали в мастерской, их там почистили, что лишило меня главных оснований для выводов.

— Вы правы, — сказал я. — Их почистили перед тем, как послать мне.

Мысленно же я обвинил своего друга в том, что он воспользовался самым очевидным и неубедительным предлогом, чтобы оправдать свой провал.

— Хотя результаты моих исследований и оказались неудовлетворительными, кое-что я сказать все же могу, — произнес он, устремив в потолок отсутствующий взгляд. — Поправьте меня, если в чем-нибудь ошибусь. Насколько я могу судить, часы эти раньше принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Об этом вы, несомненно, догадались по буквам «Г» и «В», выгравированным на задней крышке?

— Верно. С буквы «В» начинается ваша фамилия. Судя по дате, часы изготовлены почти пятьдесят лет назад, гравировка была сделана тогда же, то есть часы принадлежали человеку старшего поколения.

Подобные вещи обычно передаются по наследству старшему сыну, который чаще всего носит то же имя, что и отец. Если не ошибаюсь, отец ваш умер много лет назад, следовательно, часами владел ваш старший брат.

— Пока все правильно. Что-нибудь еще можете добавить?

— Брат ваш был человеком неряшливым... очень неряшливым и легкомысленным. У него была возможность хорошо устроиться в жизни, но он не сумел ею воспользоваться, жил в нищете (правда, деньги у него время от времени водились), потом начал пить и умер. Это все, что мне удалось установить.

Я вскочил с кресла и стал, прихрамывая, нервно ходить по комнате, негодуя стискивая кулаки.

— Как вам не стыдно, Холмс! — воскликнул я. — Не думал, что вы можете опуститься до такого. Вам кто-то рассказал о судьбе моего несчастного брата, а теперь вы делаете вид, что узнали все это только что. Неужели вы надеетесь, что я поверю, будто вы все это узнали по его старым часам! Это жестоко и, честно говоря, пахнет шарлатанством.

— Дорогой доктор, — мягко сказал Холмс, — прошу, примите мои извинения. Рассматривая это дело как абстрактную проблему, я забыл, насколько близка и тяжела для вас может быть эта тема. Но, уверяю вас, до того, как вы показали мне эти часы, я даже не знал, что у вас был брат.

— Так каким же чудесным образом вы умудрились обо всем этом узнать? Все, что вы рассказали, до малейшей детали — истинная правда.

— Мне просто повезло. Я всего лишь выбирал наиболее правдоподобное объяснение тому, что вижу. Я и не думал, что все так совпадет.

— То есть это была не случайная догадка?

— Нет-нет. Я никогда не полагаюсь на случайные догадки. Это порочная привычка... разрушительная для навыков логического мышления. Вам все это показалось странным только потому, что вы не имели возможности наблюдать за ходом моих мыслей, к тому же не замечаете частных, на основании которых строятся общие выводы. Вот, к примеру, я начал с утверждения, что ваш брат был неряшливым. Стоит присмотреться к нижней части корпуса часов, и вы увидите не

только две вмятины, но и многочисленные царапины, появившиеся от привычки носить другие твердые предметы (например, монеты или ключи) в том же кармане. Не так уж сложно догадаться, что человек, который так легкомысленно относится к часам за пятьдесят гиней, скорее всего не отличается аккуратностью. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что, раз человек получил в наследство столь дорогой предмет, то и само наследство было немаленьким.

Я кивком дал понять, что согласен с его выводами.

— Работники английских ломбардов очень часто, принимая часы, выцарапывают иглой на внутренней стороне крышки номер квитанции. Это намного удобнее, чем клеить ярлык, так номер не потеряется и его невозможно подменить. Через лупу я сумел рассмотреть на крышке не меньше четырех таких номеров. Вывод: ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод: иногда ему случалось разбогатеть, иначе он не смог бы выкупить часы. И наконец, взгляните сами на внутреннюю сторону крышки, туда где находится отверстие для ключа. Видите тысячи царапин вокруг отверстия? Это следы от ключа. Скажите, трезвый человек может так промахиваться? Ни у одного пьяницы вы не найдете часов без подобных отметин. Когда выпивший человек заводит часы на ночь дрожащими руками, ключ оставляет такие царапины. Что же тут таинственного?

— Теперь все ясно как божий день, — сказал я. — Простите, что отнесся к вам так несправедливо. Мне бы следовало больше доверять вашим удивительным способностям. Могу ли я узнать, в настоящее время вы расследуете какое-нибудь дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу без умственной работы. Зачем вообще жить, если не нужно думать? Посмотрите в окно. Видите, как желтый туман сгущается на улицах и обволакивает унылые серые дома? Что может быть более скучным и материальным? Скажите, доктор, какой смысл обладать силой, но не иметь возможности ее применить? Преступления стали неинтересными, жизнь нудной. В мире не осталось ничего, кроме скуки.

Я уже открыл рот, чтобы ответить на сию тираду*, но тут раздался решительный стук в дверь и в комнату вошла наша квартирная хозяйка с медным подносом, на котором лежала визитная карточка.

— К вам юная леди, — обратилась миссис Хадсон к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен, — прочитал он. — Хм! Такого имени я не помню. Попросите юную леди войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я бы хотел, чтобы вы остались.

Глава вторая. Суть дела

Мисс Морстен вошла в комнату уверенно и непринужденно. Это была юная леди со светлыми волосами, невысокого роста, стройная, в идеально сидящих перчатках. То, как мисс Морстен была одета, не оставляло сомнения, что она обладает прекрасным вкусом. Однако в наряде ее чувствовалась скромность и простота, что наводило на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было шерстяное платье сдержанного серого цвета, без отделки и плетений, на голове — небольшой тюрбан того же неброского оттенка, оживленный лишь маленьким перышком сбоку. Нельзя сказать, что лицо девушки было прекрасным или имело идеальную форму, но смотреть на него было приятно, тем более что большие синие глаза ее излучали доброту и одухотворенность. Я побывал на трех континентах и видел женщин разных рас и национальностей, но нигде не встречал лица, которое бы так откровенно говорило об утонченной натуре и о чутком сердце. Когда мисс Морстен села на стул, предложенный Шерлоком Холмсом, я не мог не заметить, что у нее дрожат губы и трясутся руки, что указывало на крайнее внутреннее волнение.

— Я пришла к вам, мистер Холмс, — сказала мисс Морстен, — потому что вы однажды помогли моей хозяйке, миссис Сесил Форрестер, распутать одну семейную историю. Ваша отзывчивость и мастерство произвели на нее огромное впечатление.

— Миссис Форрестер? — задумчиво повторил мой друг. — Да, помню, я немного помог ей. Но дело это было совсем несложным.

— Она так не считает. Но мое дело вам простым не покажется. Я не могу себе представить что-либо более странное и необъяснимое, чем положение, в котором я оказалась.

Холмс потер руки, в глазах его блеснул огонек. Не вставая с кресла, мой друг подался вперед, и его чисто выбритое ястребиное лицо приняло выражение глубочайшего внимания.

— Изложите суть дела, — коротко, по-деловому произнес он.

Мне показалось, что мое присутствие может смутить посетительницу.

— С вашего позволения я уйду, — сказал я и поднялся с кресла, но, к моему удивлению, девушка жестом затянутой в перчатку руки остановила меня.

— Если ваш друг останется, — сказала она Холмсу, — он окажет мне неоценимую услугу.

Я вновь опустился в кресло.

— Я коротко изложу факты, — продолжила мисс Морстен. — Мой отец служил в Индии. Когда я была еще совсем маленькой, он отправил меня домой, в Англию. Моя мать умерла, и родственников здесь у нас не было, поэтому отец отдал меня в хороший пансион в Эдинбурге. Там я оставалась, пока мне не исполнилось семнадцать лет. В 1878 году отцу, который был старшим офицером полка, дали двенадцатимесячный отпуск и он отправился домой. Из Лондона он прислал мне телеграмму, в которой сообщал, что добрался благополучно, и просил меня приехать поскорее в гостиницу «Лэнем», где он остановился. Помню, что послание его показалось мне очень душевным, мне так приятно было осознавать, как сильно он меня любит. Приехав в Лондон, я отправилась в «Лэнем». Там мне сказали, что капитан Морстен действительно у них остановился, но прошлой ночью он куда-то ушел и до сих пор не возвращался. Я прождала его весь день, но он так и не появился и никаких вестей от него не было. Вечером по совету управляющего гостиницей я обратилась в полицию, и с их помощью уже на следующее утро во всех газетах вышло объявление об исчезновении моего отца. Но это не дало никакого результата и с того самого дня я больше о нем не слышала. Он так спешил домой, хотел отдохнуть здесь, набраться сил, а вместо этого...

— Девушка закрыла лицо руками и сдержанно всхлипнула, прервав свой рассказ.

— Назовите точную дату. — Холмс открыл свою записную книжку.

— Исчез он третьего декабря 1878 года... Почти десять лет назад.

— А его багаж?

— Остался в гостинице. Но среди его вещей не было ничего, что хоть как-то могло бы подсказать... Кое-какая одежда, несколько книг и довольно большая коллекция всяких редкостей с Андаманских островов. Он служил там офицером в части, охранявшей тюрьму.

— В Лондоне у него были друзья?

— Я знаю только... майора Шолто, с которым они служили в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку незадолго до приезда отца и поселился в Аппер-Норвуде*. Я, конечно, к нему обратилась, но он даже не знал, что его армейский товарищ приезжал в Англию.

— Весьма любопытно, — заметил Холмс.

— До самого интересного я еще не дошла. Около шести лет назад, если точнее, четвертого мая 1882 года, в «Таймс» появилось объявление на имя мисс Мэри Морстен. В нем говорилось, что в моих интересах откликнуться на него. Ни имени, ни адреса указано не было. Я тогда только устроилась гувернанткой к миссис Сесил Форрестер. Она мне и посоветовала напечатать свой адрес в колонке объявлений. В тот же день мне по почте пришла маленькая картонная коробочка, а в ней была жемчужина, очень большая и красивая. Ни письма, ни какого-либо объяснения не прилагалось. С той поры каждый год в один и тот же день я получаю точно такую же коробочку с точно такой же жемчужиной и не имею ни малейшего понятия о том, кто их шлет. Я отнесла жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкие и очень дорогие жемчужины. Вы и сами в этом можете убедиться.

Она раскрыла плоский коробок и показала шесть самых изумительных жемчужин, которые мне когда-либо приходилось видеть.

— То, что вы рассказали, очень интересно, — сказал Шерлок Холмс. — Еще что-нибудь необычное с вами происходило?

— Да, и не далее как сегодня утром. Поэтому-то я и приехала к вам. Я получила вот это письмо. Если хотите, можете сами его прочитать.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — И конверт, пожалуйста. На штампе указано «Лондон, S. W.», дата — седьмое июля. Гм! На углу отпечаток мужского большого пальца... Может быть, его оставил почтальон. Бумага дорогая. Конверт по шестипенсовику за пачку. Этот человек следит за своей канцелярией. Адрес не указан. «Будьте сегодня в семь часов вечера у театра «Лицеум» у третьей колонны слева. Если боитесь, можете привести с собой двух друзей. К вам отнеслись несправедливо, и я хочу исправить это. Не обращайтесь в полицию. Если сделаете это, ничего не получится. Доброжелатель».

Должен вам сказать, это действительно довольно любопытная загадка. Как же вы намерены поступить, мисс Морстен?

— Я хотела просить вас помочь мне.

— Что ж, конечно же, я пойду с вами. Отправимся вместе, вы, я и... А почему бы и нет, доктор Ватсон. Ваш корреспондент пишет, что вы можете взять с собой двух друзей. Мы с доктором уже работали вместе.

— Но согласится ли он? — как-то проникновенно сказала мисс Морстен и робко посмотрела в мою сторону.

— Я буду искренне рад помочь вам! — горячо воскликнул я.

— Вы оба так добры, — сказала она. — Я живу уединенно, и у меня нет друзей, к которым я могла бы обратиться. Если я заеду за вами в шесть, это будет не поздно?

— Хорошо, только не опаздывайте, — сказал Холмс. — Еще один вопрос, мисс Морстен. Скажите, этот почерк тот же, что и на коробках, в которых присылали жемчужины?

— А они у меня с собой, — сказала она и достала несколько листов оберточной бумаги.

— Вы просто идеальный клиент, чувствуете, что может помочь делу. Давайте посмотрим. — Он разложил листы на столе и быстро, но внимательно осмотрел каждый. — Почерк изменен. На всех, кроме последнего, — наконец вынес Холмс свой вердикт. — Но очевидно, что это писал один и тот же человек. Видите, «e» везде написано неразборчиво и отдельно от остальных букв, а конечная «s» имеет закругленный хвост. Сомнений нет. Мисс Морстен, я бы не хотел, чтобы у вас появились ложные надежды, но этот почерк не напоминает почерк вашего отца?

— Совершенно не похож.

— Я так и думал. Что ж, ждем вас в шесть. Если позволите, эти бумаги пока останутся у меня. У меня еще есть время подумать над этим делом, сейчас только половина четвертого. Au revoir[2].

— Au revoir, — сказала наша гостья, сверкнув ясными глазами, спрятала коробочку с жемчужинами за корсаж и ушла.

Стоя у окна, я наблюдал, как она торопливо идет по улице, пока ее серый тюрбан со светлым перышком не растворился в мрачной толпе.

— Какая симпатичная девушка! — сказал я, поворачиваясь к своему другу.

Он уже успел снова разжечь свою трубку и теперь сидел с полужакрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла.

— В самом деле? — нехотя оторвался Холмс от своих мыслей. — Я не обратил внимания.

— Какой же вы сухарь! — воскликнул я. — Иногда мне кажется, что вы не человек, а просто счетная машина какая-то!

Он усмехнулся.

— Чрезвычайно важно, — сказал мой друг, — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ход ваших мыслей. Для меня клиент — лишь отдельная единица... один из факторов, составляющих проблему. Эмоции мешают работе, не дают мыслить четко и логично. Самая красивая женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за то, что отравила троих своих детей, рассчитывая получить за них страховку, а самый уродливый мужчина, которого я знаю, — филантроп, потративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Да, но в этом случае...

— Я не делаю исключений. Исключения опровергают правила. Вам не приходилось изучать характер человека по его почерку? Что вы скажете об этом?

— Написано разборчиво, ровно. Должно быть, это человек деловой, с характером, — предположил я.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы, — сказал он. — Они почти не выступают из строчек. Вот эта «d» выглядит почти как «a», а эта «l» — как «e». Уверенные в себе люди всегда выделяют высокие буквы, каким бы неразборчивым ни был их почерк. Строчные «k» он пишет по-разному, хотя в прописных буквах чувствуется самоуважение. Мне нужно уйти, Ватсон, хочу навести кое-какие справки. Вам я посоветую пока почитать вот эту книгу... Это одно из величайших произведений, когда-либо написанных. «Мученичество человека» Уинвуда Рида*. Я вернусь через час.

Я сидел у окна с раскрытой книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых писательских фантазий. В ту минуту я думал о нашей посетительнице... Вспоминал ее улыбку, красивый грудной голос, странную загадку, которая вторглась в ее жизнь. Если мисс Морстен было семнадцать, когда пропал ее отец, сейчас ей должно

быть двадцать семь. Какой чудесный возраст. В этом возрасте юность перестает быть самодостаточной, жизнь накладывает на человека отпечаток и заставляет его быть более благоразумным. Так я сидел и размышлял, пока в голову мне не начали приходить мысли столь опасные, что я поспешно пересел за свой письменный стол и углубился в последний трактат по патологии. Кто я такой, чтобы позволять себе подобные мысли! Отставной полковой лекарь с простреленной ногой и скудным банковским счетом. Мисс Морстен — отдельная единица, фактор, не более. Если меня ждет мрачное будущее, нужно принять это как подобает мужчине, а не витать в облаках, мечтая о несбыточном.

Глава третья. В поисках решения

Холмс вернулся, когда на часах было половина шестого. Он был бодр, энергичен и в прекрасном расположении духа, в общем, находился в том настроении, которое обычно приходило на смену глубочайшей депрессии.

— Дело это вовсе не столь загадочно, — сказал он, принимая из моих рук чашку чая. — Похоже, существует лишь одно объяснение фактам.

— Как? Неужели вы уже разгадали эту загадку?

— Ну, так говорить я бы не стал. Я всего лишь нашел отправную точку, с которой можно начинать строить выводы. Но это даже не точка, это жирное пятно. Мне, правда, пока еще не хватает кое-каких деталей. В общем, только что, просматривая подшивку «Таймс», я обнаружил, что майор Шолто, проживавший в Аппер-Норвуде и служивший ранее в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку, умер двадцать восьмого апреля одна тысяча восемьсот восемьдесят второго года.

— Холмс, вы, вероятно, сочтете меня тупицей, но, если честно, я не понимаю, что нам это дает.

— В самом деле? Вы меня удивляете, Ватсон. Что ж, давайте посмотрим на это под таким углом. Капитан Морстен исчез. В Лондоне есть лишь один человек, к кому он мог пойти: это майор Шолто. Но майор заявил, что не знал о том, что его друг тогда находился в Лондоне. Через четыре года Шолто умирает. Не прошло и недели со дня его смерти, как дочь капитана Морстена получает ценный подарок, через год еще один, потом еще и еще, пока все это не заканчивается письмом, в котором ее называют жертвой несправедливости. О чем может идти речь? Конечно же, это как-то связано с ее отцом. А почему подарки стали приходить сразу же после смерти Шолто? Да потому что его наследнику стало известно о некой тайне и он захотел вернуть мисс Морстен то, что, как он считает, принадлежит ей по праву. Можете вы предложить другое объяснение, которое связало бы воедино все эти факты?

— Но что за странная форма восстановления справедливости! И почему наследник этот написал письмо только сейчас, а не шесть лет назад? На какую справедливость может рассчитывать мисс Морстен? На то, что ее отец все еще жив? Вряд ли. Больше ведь она нам ни о чем не рассказала.

— Вопросы, конечно же, еще остались, — задумчиво произнес Шерлок Холмс. — Но наша сегодняшняя вылазка все объяснит. Ага, вот и кеб, пожаловала мисс Морстен. Вы готовы? Тогда давайте скорее спускаться, время поджимает.

Я взял шляпу и самую тяжелую свою трость. Я заметил, что Холмс достал из ящика стола револьвер и положил его себе в карман. Судя по всему, мой друг предполагал, что ночью нас ждет серьезная работа.

Мисс Морстен куталась в темный плащ, ее милое лицо было спокойно, но бледно. Она не была бы женщиной, если бы это странное дело, ради которого мы собрались вместе, не тревожило ее. Впрочем, держалась она молодцом и с готовностью отвечала на все вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близким другом папы, — сказала девушка. — В письмах отец постоянно о нем упоминал. Они с папой командовали военным отрядом на Андаманских островах и многое пережили вместе. Кстати, в письменном столе у папы нашли странную бумагу, которую никто не сумел прочесть. Я не думаю, что это что-то важное, но решила, что вы, возможно, захотите взглянуть на нее, поэтому захватила ее с собой. Вот она.

Холмс бережно развернул сложенный лист и расправил его на колене, после чего принялся самым внимательным образом рассматривать через увеличительное стекло.

— Бумага изготовлена в Индии, — прокомментировал он, водя над документом складной лупой. — Какое-то время она была приколоты к стене. Чертеж на ней — это часть плана какого-то большого здания с многочисленными залами, коридорами и переходами. В одном месте стоит небольшой крестик, нарисованный красными чернилами. Над ним карандашом приписано: «3,37 слева», надпись выцвела. В левом углу — интересный значок, похожий на четыре стоящих рядом крестика, соединяющихся концами, рядом грубыми и неровными буквами написано: «Знак четырех. Джонатан Смолл, Магомет Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Нет, признаюсь, я не вижу, как это связано

с нашим делом. Хотя документ явно важный. Его бережно хранили между страницами книги, так как обе стороны листа одинаково чистые.

— Да, мы нашли бумагу в записной книжке отца.

— Сохраните этот документ, мисс Морстен, он может нам пригодиться. Я начинаю подозревать, что дело это намного глубже и сложнее, чем я полагал вначале. Мне нужно это обдумать. — Холмс откинулся на спинку сиденья, и по сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряженно думает. Мы с мисс Морстен стали вполголоса разговаривать о нашей поездке и о том, чем она может закончиться, но Шерлок Холмс хранил упорное молчание до конца пути.

Был сентябрьский вечер, около семи часов, но огромный город уже сделался хмурым и неуютным. Густой туман опустился на землю, то и дело срывался дождь, и грязные серые тучи низко нависли над раскисшими улицами. Фонари на Стрэнде превратились в редкие тусклые блики, бросающие рассеянный мерцающий свет на скользкую мостовую. Желтый блеск витрин с трудом пробивался через густой и душный от влаги и человеческих испарений воздух на запруженные людьми улицы. В бесконечном мелькании освещенных блеклым светом лиц было что-то зловещее, потустороннее. В узком коридоре света возникало то хмурое, то веселое, то озабоченное, то жизнерадостное лицо. Как весь род людской, они появлялись из темноты на свет и снова исчезали во мраке. Я человек не впечатлительный, но пасмурный тоскливый вечер и мысли о странном деле, которое привело нас сюда, вызывали у меня тревогу; настроение испортилось. По тому, как держалась мисс Морстен, было видно, что она испытывает то же самое. Только Холмс не поддавался всеобщему унынию. У него на коленях лежала открытая записная книжка, и время от времени он вносил в нее какие-то цифры и заметки, подсвечивая себе карманным фонариком.

Улицы у боковых входов в театр «Лицеум» уже были заполнены людьми. К парадному входу подъезжали кебы и кареты, оттуда высаживались мужчины в белоснежных накрахмаленных манишках и дамы в бриллиантах. Экипажи тут же с грохотом отъезжали в сторону, уступая место следующим. Едва мы пробились к третьей колонне,

возле которой должна была состояться встреча, как к нам подошел невысокий смуглолицый юркий человек в костюме кучера.

— Вы — мисс Морстен? — спросил он.

— Да, я — мисс Морстен, а эти джентльмены — мои друзья, — сказала девушка.

Он окинул нас проницательным взглядом.

— Прошу прощения, мисс, — строго произнес незнакомец, — но мне дано указание взять с вас слово, что никто из ваших спутников не служит в полиции.

— Даю вам слово, — сказала она.

Он громко, по-разбойничьи свистнул, и один из беспризорников тут же подогнал к нам экипаж и открыл дверцу. Встретивший нас мужчина взобрался на козлы, а мы заняли места внутри. Как только дверца экипажа захлопнулась, кучер стегнул лошадь и мы бешено понеслись по окутанным туманом улицам.

Интересное получалось дело. Мы не знали, куда и с какой целью нас везут. Либо все это могло закончиться пшиком, что было маловероятно, либо нам предстояло узнать что-то очень важное, на что у нас были все основания надеяться. Мисс Морстен держалась как обычно, уверенно и спокойно. Я пытался хоть как-то развеселить ее рассказами о своих афганских приключениях, но, откровенно говоря, сам до того был взволнован всей этой таинственностью и так хотел узнать, что ждет нас впереди, что истории мои получались немного бессвязными. Мэри по сей день утверждает, что в одном из своих рассказов я упомянул, как однажды ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я пальнул в него из двуствольного тигренка. Поначалу мне удавалось следить, в каком направлении мы движемся, но вскоре, из-за быстрой езды, тумана и плохого знания лондонских улиц я перестал ориентироваться и с уверенностью мог сказать лишь то, что едем мы очень долго. Но Шерлока Холмса трудно было сбить с толку. Он бормотал вполголоса названия площадей и извилистых переулков, по которым громыхал экипаж.

— Рочестер-роуд, — произнес он. — Теперь Винсент-сквер. А сейчас выезжаем на Воксхолл-бридж-роуд. Судя по всему, нас везут в сторону Суррея. Я так и думал. Мы заехали на мост. Видно, как блестит вода.

И действительно, мы успели рассмотреть величавую Темзу, в широких молчаливых водах которой отражались зажженные фонари, но экипаж не сбавлял темпа, и скоро мы снова углубились в лабиринт улиц, но уже на другом берегу реки.

— Вордсворт-роуд, — продолжал перечислять мой друг. — Прайори-роуд. Ларк-холл-лейн. Стокуэлл-плейс. Роберт-стрит. Колдхарбор-лейн. Похоже, нас везут не в самые фешенебельные районы.

И в самом деле, мы углубились в какие-то мрачные и подозрительные кварталы. Длинные ряды темных кирпичных домов лишь кое-где на углах уступали место ярко освещенным дешевым пабам. Потом пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками и снова бесконечные кирпичные дома — щупальца, которыми огромный чудовищный город оплел окружающую его деревенскую местность.

Наконец кеб, выехав на очередную улицу, остановился у третьего дома от начала. Все стоящие рядом дома пустовали, и тот, у которого остановились мы, был таким же темным, только в окне кухни слабо мерцал свет. Однако когда мы постучали, дверь тут же открылась и нас встретил слуга-индус в желтом тюрбане и белых свободных одеждах, перепоясанных желтым кушаком. Было странно видеть столь колоритную восточную фигуру в дверях обычного третьесортного пригородного дома.

— Саиб* ждет вас, — сказал он, и в ту же секунду откуда-то изнутри послышался тонкий, писклявый голос.

— Веди их ко мне, китматгар*, — закричали из дома. — Веди их прямо ко мне.

Глава четвертая. История человека с лысиной

Мы шли за индусом по грязному захламленному полутемному коридору. Наконец он остановился и распахнул одну из дверей с правой стороны. Поток желтого света ударил нам в глаза; в самой середине этого сияния стоял человек. Это был невысокого роста мужчина с непропорционально большой головой и коротко стриженными рыжими волосами, над которыми, словно скала над ельником, вздымался совершенно лысый блестящий череп, от чего голова незнакомца казалась еще больше. Руки его были сложены на груди, лицо находилось в постоянном движении — мужчина то улыбался, то хмурился, и эта смена выражений не прекращалась ни на секунду. Природа наградила его отвислыми губами и выступающими редкими желтыми зубами, которые он то и дело старался прикрыть, проводя рукой по нижней части лица. Несмотря на лысину, он производил впечатление молодого человека. В действительности ему лишь недавно исполнилось тридцать.

— К вашим услугам, мисс Морстен, — все повторял мужчина высоким голосом. — К вашим услугам, джентльмены. Милости прошу в мое скромное убежище. Комната небольшая, но я здесь все обставил по своему вкусу. Это оазис искусства в унылой пустыне Южного Лондона.

Вид помещения, в которое мы вошли, изумил нас. В казавшемся заброшенным доме комната эта выглядела как бриллиант чистой воды, вставленный в оправу из меди. Окна были украшены роскошными дорогими портьерами, а стены коврами. Местами края их были отогнуты, чтобы обнажить какую-нибудь картину в изысканной раме или прекрасную восточную вазу. Пол был устлан желто-черным ковром с густым и мягким как мох ворсом. Две брошенные поперек него тигриные шкуры и стоявший в углу на подставке кальян усиливали впечатление восточной роскоши. Серебряная лампа в форме голубя на почти невидимой золотой нити висела посередине потолка.

Она наполняла странную комнату не только светом, но и тонким приятным ароматом.

— Мистер Тадеуш Шолто, — представился коротышка, продолжая судорожно улыбаться. — Так меня зовут. Вы, разумеется, мисс Морстен. А эти джентльмены...

— Мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

— Доктор! — взволновался он. — А у вас стетоскоп* с собой? Можно попросить вас... Не могли бы вы... Меня очень беспокоит мой митральный клапан*. Может быть, проверите? Аорта у меня хорошая, но вот митральный клапан, по-моему, барахлит.

Делать было нечего, я выслушал его сердце, но ничего необычного не заметил, кроме учащенного биения, вызванного страхом. Он весь дрожал.

— Похоже, все в норме, — сказал я. — Вам нечего беспокоиться.

— Прошу извинить меня за это волнение, мисс Морстен, — облегченно вздохнув, сказал Шолто. — Но я больной человек и давно уже подозреваю, что этот клапан не в порядке. Как я рад, что мои страхи оказались напрасными! Если бы ваш отец берег свое сердце, он, возможно, был бы еще жив.

Я едва сдержался, чтобы не ударить этого наглеца за то, что он так бесцеремонно и грубо вторгся в столь тонкое дело. Мисс Морстен опустилась на стул, кровь отхлынула от ее лица.

— Я чувствовала, что его уже нет в живых, — прошептала она.

— Я все вам расскажу, — сказал Шолто. — Более того, восстановлю справедливость, что бы там ни говорил мой брат Бартоломью. Я так рад, что вы пришли не одна. Но не только потому, что это ваши друзья. Эти джентльмены будут свидетелями того, что я собираюсь рассказать и сделать. Уж нас-то троих Бартоломью не одолеет. Только давайте не впутывать в наше дело посторонних, ни полицию, ни власти, хорошо? Мы и сами во всем разберемся и все уладим. Ничто так не разозлит Бартоломью, как огласка.

Он уселся на низкий диванчик и стал вопросительно смотреть на нас воспаленными водянистыми глазами.

— Даю вам слово, — сказал Холмс, — что то, что вы расскажете, останется строго между нами.

Я молча кивнул в знак согласия.

— Чудесно! Чудесно! — воскликнул Шолто. — Не хотите ли бокал кьянти, мисс Морстен? Или токайского? Других вин я не держу. Открыть бутылочку? Нет? Ну что ж, тогда, я надеюсь, вы не станете возражать против табачного дыма, вернее, мягкого расслабляющего аромата восточного табака. Видите ли, я немного волнуюсь, а лучше всего меня успокаивает кальян.

Он приладил трубку к массивному сосуду, и в розовой воде весело забегали пузырьки. Мы втроем уселись перед ним полукругом и, подперев головы руками, приготовились слушать. Станный человек с огромной блестящей головой, нервно попыхивая, приступил к рассказу.

— Решив встретиться с вами, — сказал он, — я мог указать свой адрес, но побоялся, что вы не выполните моей просьбы и приведете сюда нежеланных гостей. Поэтому я позволил себе устроить нашу встречу так, чтобы сначала вас проверил мой слуга Вильямс. Этому человеку я полностью доверяю. Он получил от меня указание, если что-то покажется подозрительным, тут же возвращаться домой. Прошу меня простить за эти предосторожности, но я человек возвышенных, можно даже сказать рафинированных вкусов, а может ли быть что-либо более неэстетичное, чем полицейский! Любые формы грубого материализма мне претят. Я редко сталкиваюсь с вульгарной толпой и, как видите, живу в мире красивых вещей. Знаете, я бы даже назвал себя покровителем искусств. Искусство — моя слабость. Вот этот пейзаж — подлинник Коро*. Какой-нибудь ценитель, возможно, и усомнится, что это Сальваторе Роза*, но что касается вон того Бугро*, тут двух мнений быть не может. Я равнодушен к современной французской школе.

— Извините, мистер Шолто, — сказала мисс Морстен, — но вы меня пригласили, чтобы что-то сообщить. Уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы беседа наша была как можно короче.

— Нет, это вряд ли получится, — возразил Шолто, — потому что нам еще нужно будет съездить в Норвуд к моему брату Бартоломью. Если мы приедем все вместе, тут уж он не отвертится. Бартоломью злится на меня за то, что я взялся за это дело. Вчера вечером мы с ним сильно повздорили. Вы себе представить не можете, каким ужасным человеком он становится, когда сердится.

— Если нужно ехать в Норвуд, не лучше ли отправиться туда прямо сейчас? — вставил свое слово и я.

Шолто так расхохотался, что у него даже уши покраснели.

— Ну уж нет, — утирая слезу, сказал он. — Не знаю, что скажет Бартоломью, если я привезу вас к нему раньше времени. Сначала я должен вас подготовить, рассказать, что нас связывает. Во-первых, я должен вам сообщить, что мне самому не все известно. Все, что я могу, — это изложить факты, рассказать то, что знаю.

Мой отец, как вы, наверное, догадались, — майор Джон Шолто. Он служил когда-то в Индии. Около одиннадцати лет назад он вышел в отставку, вернулся в Англию и поселился в Аппер-Норвуде в усадьбе Пондичерри-лодж. В Индии он разбогател и привез с собой очень большую сумму денег, огромную коллекцию редких драгоценностей и целый штат слуг-индусов. Все это позволило ему купить дом и жить в роскоши. Мой брат-близнец и я были его единственными детьми.

Я прекрасно помню тот шум, который поднялся после загадочного исчезновения капитана Морстена. Подробности мы прочитали в газетах. Мы с братом знали, что капитан был другом нашего отца, поэтому свободно обсуждали при нем это дело, и он тоже участвовал в разговоре, строил догадки, пытался понять, что могло произойти. Мы тогда и представить себе не могли, что для него это вовсе не было загадкой, что он был единственным в мире человеком, который точно знал, что случилось с Артуром Морстеном.

Нам, правда, было известно, что какая-то тайна... какая-то опасность тяготела над нашим отцом. Он ужасно боялся выходить из дому один и платил двум профессиональным боксерам, чтобы они выполняли в Пондичерри-лодж роль привратников. Уиллиамс, который привез вас, — один из них. Когда-то он был чемпионом Англии в легком весе. Отец никогда не рассказывал нам о причинах своего страха, но больше всего он боялся человека на деревянной ноге. Однажды он даже выстрелил из револьвера в одноногого человека, который, как выяснилось позже, был безобидным торговцем, собирающим заказы. Пришлось заплатить ему большую сумму, чтобы дело это не получило огласки. Мы с братом полагали, что это не более, чем причуды старика, но события показали, что мы ошибались.

В начале 1882 года отец получил из Индии письмо, которое просто потрясло его. Он вскрыл письмо за обеденным столом и прямо там же

чуть не лишился чувств. От удара он так и не оправился и через несколько месяцев умер. О том, что было в письме, мы не узнали, но, когда он его читал, я успел заметить, что это была недлинная записка, написанная неразборчивым почерком. Отца уже много лет мучила увеличенная селезенка. Болезнь его резко обострилась, и к концу апреля нам сообщили, что надежды на спасение нет и он хочет передать нам свою последнюю волю.

Когда мы вошли в его комнату, отец лежал, весь обложенный подушками, и тяжело дышал. Он заставил нас закрыть дверь, подойти к кровати и встать с обеих сторон. Потом, взяв нас за руки, он произнес речь, и голос его дрожал от волнения и от боли. Я попытаюсь повторить сказанное им дословно.

«Есть только одно обстоятельство, — сказал он, — которое не дает мне покоя в эти последние минуты. Это несправедливость, допущенная мной по отношению к дочери несчастного Морстена, оставшейся сиротой. Это проклятая жадность, которая всю жизнь была моим главным пороком, лишила бедную девочку сокровища, а ведь оно принадлежит ей по праву, по крайней мере, его половина. Хотя сам я им никак не воспользовался... Вот какая глупая штука алчность. Сама мысль о том, что я обладаю этим сокровищем, была для меня так упоительна, что я просто не мог заставить себя поделиться с кем-то своим богатством. Видите эту жемчужную диадему у бутылочки с хинином? Хоть у меня и разрывалось сердце, когда я это делал, но я приготовил ее, чтобы послать дочери Морстена. Вы, дети мои, передадите ту часть сокровищ Агры, которая должна принадлежать ей. Но не давайте ей ничего, даже этой диадемы, до тех пор, пока я не умру. Я знаю людей, которые были уже одной ногой в могиле, но все же выздоравливали.

Я расскажу вам, как умер Морстен, — продолжил он. — У него много лет было плохо с сердцем, но он от всех это скрывал. Я один знал об этом. Когда мы с ним служили в Индии, удивительное стечение обстоятельств дало нам в руки огромное богатство. Я привез сокровища сюда, в Англию. Когда приехал Морстен, он первым делом направился ко мне за своей частью. Он пешком пришел сюда со станции, и тут его встретил мой верный Лал Чоудар, которого уже нет в живых. Мы с Морстеном поспорили о том, как делить сокровища, дело даже дошло до криков. Взбешенный Морстен вскочил с кресла,

но вдруг лицо его посерело, он схватился за грудь и повалился на спину, да так, что угодил затылком прямо на угол того самого ларца, в котором лежали сокровища. Я подошел к нему, наклонился и, к своему ужасу, увидел, что он мертв.

Не помню, сколько я просидел над его телом, пытаюсь понять, что теперь делать. Первое, что мне пришло в голову, это, разумеется, обратиться за помощью. Но я не мог не понимать, что все решат, будто это я его убил. Умер он во время ссоры со мной, на голове у него была глубокая рана — все это свидетельствовало против меня. К тому же, если бы началось официальное расследование, пришлось бы рассказать и о сокровище, чего мне совершенно не хотелось. Морстен говорил, что ни одной живой душе неизвестно, куда он поехал. И я решил, что будет лучше, если этого так никто и не узнает.

Я все еще сидел в задумчивости, но вдруг поднял глаза и увидел, что в дверях стоит слуга, Лал Чоудар. Он тихонько зашел и закрыл за собой дверь на задвижку. «Не бойтесь, саиб, — сказал он. — Никто не узнает, что вы убили его. Давайте спрячем тело так, чтобы его никто не нашел». «Я не убивал его», — сказал я, но Лал Чоудар покачал головой и улыбнулся. «Я все слышал, саиб, — сказал он. — Слышал, как вы ссорились, слышал звук удара. Но уста мои запечатаны. Все в доме спят. Давайте вместе унесем его». И эти слова заставили меня решиться. Если мой собственный слуга не верил в мою невиновность, разве мог я рассчитывать, что мне поверят двенадцать олухов на скамье присяжных! Той же ночью мы с Лалом Чоударом избавились от тела, и уже через несколько дней все лондонские газеты трубили об исчезновении капитана Морстена. Вы видите, что в том, что случилось, я не виноват. Вина моя в том, что я, можно сказать, похоронил не только тело, но и сокровище, и решил, что доля Морстена теперь принадлежит мне. Вы должны будете исправить это и передать долю Морстена его дочери. Наклонитесь ко мне поближе, я скажу вам, где искать сокровище. Оно спрятано в...»

В эту секунду его лицо жутко изменилось. Глаза безумно округлились, челюсть отвисла, и он закричал. Этот крик я не забуду до конца своих дней. «Не пускайте его! Ради всего святого, не пускайте!» Мы с братом разом повернулись к окну за нашими спинами, на которое смотрел отец. Из темноты на нас глядело лицо. Мы увидели белое пятно в том месте, где к стеклу прижался нос. Лицо было заросшее, с

бородой и круглыми дикими глазами, которые горели невероятной злостью. Мы с Бартоломью ринулись к окну, но человек исчез. Когда мы вернулись к отцу, его голова склонилась на грудь, а сердце уже не билось.

В ту же ночь мы обыскали сад, но не обнаружили никаких следов вторжения, кроме одного небольшого отпечатка ноги на клумбе под окном. Если бы не он, мы решили бы, что это дикое злобное лицо нам вообще померещилось. Однако скоро было получено еще одно, на этот раз более серьезное доказательство того, что творится что-то неладное. Утром мы обнаружили, что окно в комнате отца распахнуто, все шкафы и комоды открыты, а на груди у покойного лежит клочок бумажки, на котором кривыми буквами написано: «Знак четырех». Что значит эта фраза и кем был наш ночной гость, нам так и не удалось узнать. Ничто из вещей отца как будто не пропало, хотя в комнате все было перерыто. Само собой разумеется, мы решили, что эти происшествия как-то связаны с тем, чего отец боялся всю жизнь, но все это для нас по-прежнему загадка.

Маленький человек замолчал, чтобы вновь зажечь погасший в кальяне огонь, и с полминуты в задумчивости молча пускал углом рта дым. Всех нас захватило это удивительное повествование. Мисс Морстен, слушая рассказ о том, как умер ее отец, побелела как мел, я даже испугался, что она упадет в обморок. Но выпив стакан воды, который я налил ей из графина венецианского стекла, стоявшего на маленьком столике в углу, девушка быстро пришла в себя. Шерлок Холмс сидел, откинувшись на спинку стула, с отстраненным выражением лица и полузакрытыми глазами, в которых, однако, то и дело поблескивал огонек. Глядя на него, я не мог не вспомнить, что всего несколько часов назад мой друг сокрушался по поводу скуки и отсутствия интереса к жизни. Уж эта-то загадка заставит его попотеть, тут ему придется напрячь все свои силы. Мистер Тадеуш Шолто обвел нас по очереди глазами, явно довольный впечатлением, которое произвел его рассказ, после чего продолжил, попыхивая непомерно большой трубкой.

— Вы, конечно же, понимаете, — сказал он, — как взволновал нас рассказ отца о сокровище. За несколько недель, даже месяцев поисков мы с братом перекопали весь сад, заглянули под каждый кустик, но так ничего и не нашли. Больше всего нас огорчало то, что отец умер как

раз в тот миг, когда собирался рассказать, где спрятано сокровище. О размерах богатства мы могли судить по диадеме с жемчужинами, которую он передал нам. Из-за нее мы с Бартоломью, кстати, немного повздорили. Жемчужины явно были очень дорогими, и моему брату очень не хотелось с ними расставаться. Скажу вам по секрету, Бартоломью характером очень напоминает отца. Он считал, что если мы отдадим ожерелье, это может породить слухи и у нас возникнут неприятности. Я добился лишь того, что он позволил мне узнать адрес мисс Морстен и разрешил отсылать ей по одной жемчужине в определенные промежутки времени, чтобы она не нуждалась.

— Это очень великодушный поступок, — с жаром сказала наша клиентка. — Вы поступили очень благородно.

Маленький человечек лишь отмахнулся.

— Мы были вашими своего рода опекунами, — сказал он. — Так что обязаны были так поступить. Хотя Бартоломью не был с этим полностью согласен. Мы люди и так небедные, мне лично большего и не надо. К тому же вести себя так низко по отношению к девушке — просто некрасиво. У французов есть на этот счет прекрасная поговорка: «Le mauvais goût mène au crime»[3]. В общем, несогласие наше дошло до такой степени, что я решил подыскать себе отдельное жилье, поэтому и уехал из Пондичерри-лодж, прихватив с собой китматгара и Уиллиамса. А вчера я узнал, что произошло нечто очень важное: сокровище нашлось. Я сразу же связался с мисс Морстен, и теперь нам остается только съездить в Норвуд и потребовать нашу долю. Вчера вечером я рассказал Бартоломью о своих намерениях, поэтому он нас ждет, хотя и без нетерпения.

Мистер Тадеуш Шолто замолчал и теперь сидел на своем роскошном диване, подрагивая от волнения. Мы тоже молчали, пораженные неожиданным оборотом, который приняло это загадочное дело. Первым очнулся Холмс.

— Сэр, вы правильно вели себя от начала до конца, — сказал он, вставая. — Возможно, мы могли бы в качестве небольшой благодарности пролить свет на то, что еще остается не понятным вам. Но, как недавно заметила мисс Морстен, уже поздно и лучше завершить дело, не откладывая его в долгий ящик.

Наш новый знакомый бережно свернул трубку кальяна и вытащил из-за гардины очень длинное, отделанное тесьмой пальто с

каракулевыми манжетами и воротником. Хоть вечер был теплый, он застегнул пальто на все пуговицы и довершил свой наряд, надев кроличью шапку с опущенными ушами, которая скрывала всю его голову кроме заостренного подвижного носа.

— Здоровье у меня хрупкое, — сказал Шолто, когда мы по коридору двинулись к выходу. — Приходится его беречь.

На улице нас ждал кеб, видно, поездка наша была предусмотрена заранее, потому что, как только мы заняли места в экипаже, возница тут же хлестнул лошадей.

В дороге Тадеуш Шолто болтал без умолку. Его тонкий голос даже перекрывал стук колес.

— Бартоломью умен, — рассказывал он. — Как, по-вашему, он догадался, где спрятаны сокровища? Он пришел к выводу, что они находятся где-то внутри дома. Поэтому высчитал объем строения и измерил все до последнего дюйма. Мой брат выяснил, что высота здания — семьдесят четыре фута, но, сложив высоту всех комнат и потолков, которые он узнал, просверлив в них сквозные отверстия, Бартоломью увидел, что цифры не сходятся. Куда-то пропали четыре фута! Они могли находиться только под самой крышей, поэтому он отправился в самую верхнюю комнату и пробил в оштукатуренном потолке дыру. И что вы думаете? Там оказался крохотный чердак, о котором никому не было известно. Прямо посередине на двух балках и стоял ларец с сокровищами. Он спустил его через дыру в потолке, и теперь все это богатство стоит у него в комнате. Бартоломью подсчитал стоимость драгоценностей, вышло не меньше чем полмиллиона фунтов.

Услышав эту гигантскую цифру, мы в изумлении переглянулись. Если мисс Морстен получит свою долю, она из бедной гувернантки превратится в одну из самых богатых женщин Англии. Конечно же, меня, как преданного друга, такая новость должна была обрадовать, но, к стыду своему, должен признаться, что на душе у меня начали скрестить кошки, а сердце в груди словно налилось свинцом. Я выдавил из себя несколько слов поздравлений и всю оставшуюся дорогу сидел мрачнее тучи, понуриив голову и пропуская мимо ушей болтовню нашего нового знакомого. Шолто был ярко выраженный ипохондрик*, и я смутно помню, что все это время он рассказывал мне о своих болячках и умолял поведать о составе и воздействии на организм

многочисленных шарлатанских снадобий. Некоторые из них он даже носил с собой в кожаном мешочке. Надеюсь, в его памяти не отложились те рекомендации, которые я давал ему по дороге, потому что Холмс впоследствии рассказывал, что я советовал Шолто не принимать больше двух капель касторового масла, поскольку это очень опасно для организма, и настоятельно рекомендовал употреблять в больших дозах стрихнин* в качестве успокоительного. Как бы то ни было, когда кеб резко остановился и кучер спрыгнул с козел, чтобы открыть нам дверь, я вздохнул с облегчением.

— Вот, мисс Морстен, — сказал мистер Тадеуш Шолто, подавая руку нашей клиентке, — это и есть Пондичерри-лодж.

Глава пятая. Трагедия в Пондичерри-лодж

Было уже почти одиннадцать, когда мы достигли конечного пункта нашего ночного путешествия. Пропитанный влагой городской туман остался позади, и ночь теперь казалась намного приятнее. Дул теплый западный ветер, тяжелые облака медленно плыли по небу, иногда открывая взору яркий месяц. Было еще достаточно светло, но Тадеуш Шолто снял с экипажа один из фонарей, чтобы осветить дорогу.

Пондичерри-лодж стоял в глубине парка, обнесенного высокой каменной стеной, которая сверху была утыкана осколками стекла. Обитая железом узкая дверь была единственным входом на территорию поместья. Наш провожатый подошел к ней и как-то по-особенному постучал, так иногда стучат почтальоны.

— Кто там? — раздался из-за двери сердитый хриплый голос.

— Это я, Мак-Мурдо. Могли бы уже и запомнить, как я стучу.

Послышалось сопение, какое-то бряцание, скрежет ключа в замочной скважине, и тяжелая дверь медленно отворилась. Мы увидели невысокого мужчину с очень развитой грудной клеткой. Он высунул голову в дверной проем и, щурясь на яркий свет фонаря, стал недоверчиво нас осматривать.

— Это вы, мистер Тадеуш? А кто это с вами? Насчет них мне хозяин указаний не давал.

— Не давал? Странно. Вчера вечером я говорил брату, что приеду с друзьями.

— Он сегодня вообще не показывался из своей комнаты, мистер Тадеуш. Поэтому я ничего не знаю. Вам прекрасно известно, что я должен строго соблюдать правила. Вас пропустить я могу, но друзьям вашим придется остаться здесь.

Такого никто не предвидел. Тадеуш Шолто растерянно оглянулся на нас.

— Как вы можете, Мак-Мурдо? — сказал он. — Если я говорю, что это мои друзья, вам этого должно быть достаточно. К тому же здесь юная леди, она не может оставаться на улице в такое время.

Но бдительный страж был непреклонен.

— Мне очень жаль, — твердо сказал он. — Эти люди могут быть вашими друзьями, но не быть друзьями хозяина. Мне хорошо платят за то, чтобы я выполнял свои обязанности, и я буду их выполнять. Никого из ваших друзей я не знаю, поэтому не пущу.

— Ошибаетесь, Мак-Мурдо, знаете, — вдруг раздался веселый голос Холмса. — Вряд ли вы могли меня забыть. Помните любителя, с которым четыре года назад вы провели три раунда во время своего бенефиса в Элисонс-румс?

— Неужто это мистер Шерлок Холмс?! — присмотревшись, взревел бывший боксер. — Это ж надо! Как я мог вас не узнать? Вместо того, чтобы стоять в тени, вам нужно было провести свой знаменитый встречный апперкот, я бы больше вопросов не задавал. Да, надо было вам стать боксером, у вас ведь настоящий талант. Если бы вы захотели, то достигли бы пика славы.

— Вот видите, Ватсон, если я не преуспею на других поприщах, есть еще одна научная дисциплина, которой я могу заняться, — рассмеялся Холмс. — Уверен, что наш друг больше не станет держать нас на холоде.

— Входите, сэръ, входите... И вы, и ваши друзья, — засуетился привратник. — Прошу меня простить, мистер Тадеуш, но у меня очень строгие указания. Я должен быть полностью уверен в ваших друзьях, прежде чем пускать их.

Сразу за неприступным забором начиналась извилистая, посыпанная гравием дорожка, которая вела к большому дому. Неинтересная серая громадина была почти вся в тени, кроме одного угла, залитого лунным светом, и освещенного окна мансарды. Размер строения, его мрачность и царившая вокруг мертвая тишина произвели на нас гнетущее впечатление. Похоже, даже Тадеушу Шолто стало не по себе: фонарь в его руке закачался и начал поскрипывать.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Наверное, произошла какая-то ошибка. Я совершенно точно сказал Бартоломью, что мы приедем сегодня, а свет в его комнате почему-то не горит. Даже не знаю, что и сказать.

— Он всегда так охраняет дом? — спросил Холмс.

— Да, это он перенял у отца. Понимаете, мой брат ведь был любимчиком, и иногда я начинаю думать, что отец рассказывал ему намного больше, чем мне. Окно Бартоломью вон там, наверху, куда падает лунный свет. Там светло, но, по-моему, внутри свет не горит.

— Не горит, — сказал Холмс. — Но я вижу свет в маленьком окошке у двери.

— А, это комната экономки. Там живет старая миссис Бернстоун. Она-то нам все и расскажет. Вы, наверное, задержитесь пока здесь, а то, если и ее о нас не предупредили, а мы войдем к ней все вместе, она может испугаться. Но тише! Что это?

Он поднял над головой фонарь, и рука его задрожала, отчего круги света запрыгали и закачались вокруг нас. Мисс Морстен сжала мою ладонь, и мы с тревожно бьющимися сердцами прислушались. Со стороны большого черного дома в могильной тишине послышались заунывные, печальные звуки — горестный, надрывный плач испуганной женщины.

— Это миссис Бернстоун, — прошептал Шолто. — Кроме нее женщин в доме нет. Ждите здесь. Я вернусь через минуту.

Он подбежал к двери и постучал своим условным сигналом. Мы увидели, что ему открыла высокая старуха. При виде его она даже покачнулась от радости.

— О, мистер Тадеуш, это вы! Я так рада, что вы приехали! Я так рада, мистер Тадеуш!

Она повторяла эти слова, пока дверь не закрылась и ее голос не превратился в приглушенный монотонный шум.

Проводник наш оставил нам фонарь. Холмс поводит им из стороны в сторону, окинул цепким взглядом дом и большие кучи перелопаченной земли на прилегающем участке. Мы с мисс Морстен стояли рядом, и я сжимал ее ладонь в своей. Какая все-таки удивительная и непостижимая штука любовь: совсем недавно мы даже не знали о существовании друг друга, ни одно нежное слово еще не было произнесено и ни один ласковый взгляд не озарил наши лица, а руки наши сами по себе потянулись друг к другу. Позже я об этом много думал, пытаюсь понять, почему это произошло, но в ту минуту мне показалось совершенно естественным повести себя именно таким образом, а Мэри потом часто рассказывала, что и ей какой-то

неуловимый внутренний голос подсказал искать во мне утешение и защиту. Итак, мы стояли, взявшись за руки, и, несмотря на невеселые обстоятельства, в наших сердцах был покой.

— Какое странное место! — сказала мисс Морстен, оглядываясь по сторонам.

— Похоже, все кроты Англии собрались здесь, чтобы порезвиться. Нечто подобное я видел на одном холме у Балларата*, где работали старатели.

— Здесь причина та же, — вставил Холмс. — Эти следы оставлены золотоискателями. Не забывайте, они шесть лет искали здесь сокровища отца. Неудивительно, что земля выглядит как гравийный карьер.

В это мгновение дверь распахнулась и из дома, вытянув вперед руки, выбежал Тадеуш Шолто. На лице его был написан ужас.

— С Бартоломью что-то случилось! — закричал он. — Мне страшно! Мои нервы не выдержат этого. — Он и впрямь чуть не рыдал от страха, а на его дергающемся бледном лице, выглядывающем из большого каракулевого воротника, было беспомощное выражение испуганного ребенка.

— Мы зайдем в дом, — коротко и твердо сказал Холмс.

— Да, конечно, идемте! — воскликнул Тадеуш Шолто. — Я уже ничего не понимаю.

Он провел нас в комнату экономки, расположенную слева от входа. Пожилая женщина ходила по своей комнате взад и вперед, испуганно заламывая руки, но вид мисс Морстен, похоже, несколько успокоил ее.

— Боже, благослови ваше милое спокойное личико! — воскликнула старуха, истерично подывая. — Смотрю на вас, и мне легче становится. Я столько вынесла за этот день!

Наша спутница нежно погладила миссис Бернстоун по худой натруженной руке и прошептала несколько ласковых утешительных слов, отчего бледные щеки экономки снова порозовели.

— Хозяин заперся у себя и не отвечает, — объяснила она. — Он любит побыть один, поэтому я весь день прождала, когда он выйдет, но с час назад уже начала волноваться, не случилось ли чего. Я поднялась наверх и посмотрела в замочную скважину. Вы должны пойти туда, мистер Тадеуш... Вы должны пойти посмотреть сами. Я

знаю мистера Бартоломью Шолто уже десять лет и видела его и веселым, и грустным, но такого лица у него никогда не было.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ